

Лекция 10.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ НА ВОСТОЧНУЮ И ЗАПАДНУЮ. ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ДИСКРЕТНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗРЫВА ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА

См.: *А.В.Бармин*. Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX-XII веков. М., 2006.

Лебедев А.П. История разделения Церквей. М., 2005.

Рим воспитал у своих граждан чувство превосходства над всеми. Оно ярко выражается в известных изречениях неопределенной древности: Roma locuta — res decisa (causa finita); urbs Roma caput mundi regit orbis frena rotundi. Римское единое государство, римская культура — это не были пустые слова, они несли глубокое содержание.

Civis romanus — звучало очень гордо и вызывало к себе почтительное отношение. Почтительное отношение к Риму сохранилось у древних народов, принявших христианство, и перешло к варварским народам, поселившимся на развалинах Римской империи.

Римский епископ был осенен славой древнего Рима и уже издавна претендовал на выдающееся положение в Церкви. Римский епископ считал себя призванным заботиться "о мире всего мира и благосостоянии св. Божиих Церквей".

- Еще в конце I века, в лице Климента (ок. 88 – ок. 97), римская община желает подавить иерархические волнения и нестроения в Коринфской Церкви и водворить в ней мир.
- То же делает позже и другой римский епископ Сотер (ок. 166 – ок. 175), увещевая к согласной жизни чуждую ему общину.
- Папа Виктор I (189 – ок. 199) добивается у императора Коммода освобождения рабов-христиан, работавших на рудниках Сардинии. Этот же папа заботится о единстве

христианских обычаев во всем христианском мире – по поводу праздника Пасхи.

- Папа Стефан (254-257) стремится выработать правильный взгляд на крещение еретиков опять во всей Христианской Церкви.
- Папа Дионисий (259-268) был встревожен жалобами на мнимое неправославие архиепископа Дионисия Александрийского. Чрез Римский Собор и свое частное письмо к нему, он тактично старается наставить его на истинный путь.

Вот только немногие факты из деятельности Римского епископа в течение первых трех веков. Подобных фактов могло быть больше, что доказывается отношением к Римской общине со стороны других Церквей и отдельных иерархов и в первые три века истории Церкви, и последующее время. Еще в начале II века Игнатий Богоносец называет Римскую Церковь "председательствующей в Римской стране" и "предстоящей в любви", и именно Римской церкви он поручает свою Сирийскую Церковь, осиротевшую ввиду его ареста.

Дионисий Коринфский благодарит Римскую Церковь за её древний обычай — оказывать всем братьям различные благодеяния и посылать вспомоществование многим Церквам.

В деле хранения истинного учения, Римская Церковь пользовалась непререкаемым авторитетом.

Сюда спешат, отвергнутые своими Восточными Церквами, гностики, чтобы найти оправдание своих мнений и поддержку своей деятельности в общении с Римской Церковью.

Сюда направляются с Востока и представители истины церковной, чтобы именно в Риме поразить врагов и проповедовать христианское учение в самом центре тогдашнего мира.

Видимо, именно поэтому Ириней Лионский объявляет Римскую Церковь центром, масштабом истины христианской¹. Так же учит и Киприан Карфагенский, называя Римскую Церковь "matrix et radix ecclesiae catholicae".

В IV—IX веках, во время Вселенских Соборов, труд продолжительной борьбы с еретиками понес Восток; на Востоке же произошел расцвет ортодоксальной догматической мысли.

Но Запад не потерял своего значения; наоборот, папа в это время много выиграл и среди варварских народов, и на христианском Востоке. Завоеывая древний мир, варварские народы были сами духовно побеждены им — прежде всего, идеями единства под господством Рима и универсализма христианства, представляемого папой. Символом такого значения папы можно считать отступление от Рима орд гуннов, ведомых Атиллой, по просьбе папы Льва I, в 452 г.

Не принимая постоянного участия в догматической борьбе и работе Востока, папы, тем не менее, напряженно следили за ней и никогда не упускали случая высказать вовремя ясные определенные мысли, которые иногда разрастались до целых трактатов. Папы почти всегда становились на сторону ортодоксально мыслящих и оказывали им деятельное содействие.

Начало разногласий — сначала на Востоке, а затем в отношениях между Востоком и Западом — было положено учреждением Константинопольской архиепископии, а потом и возвышением её, как столичной.

Вплоть до Константинопольского Собора 381 г., или II Вселенского, первой кафедрой на Востоке считалась Александрийская. II Вселенский Собор своим третьим канонem возвысил Константинопольского архиепископа, продвинув его среди восточных на первое место, как

¹ Adv. haer. III, 3; 2-3

"епископа нового Рима", т.е. как столичного. Мало того, отцы Собора явно унизили Александрийскую кафедру, не признав даже законным епископом выдвинутого ею кандидата на Константинопольскую кафедру в лице Максима-киника (пр. 4). Это было сигналом борьбы между Александрийской и Константинопольской кафедрой, кончившейся полной победой Константинопольского архиепископа над Александрийским папой на IV Вселенском Соборе. С того времени Константинопольский архиепископ и канонически и фактически стал первым епископом на Востоке. Права его закреплены 28 канонам Халкидонского Собора.

Не довольствуясь этим, Константинопольский архиепископ, мало-помалу, вступил в соперничество с Римом.

Александрийский епископ, почти до конца IV в. считавшийся первым на Востоке, да и после пользовавшийся авторитетом, подчинялся каноническому авторитету и первенству Римского папы. Это видно с одной стороны, из сношений Дионисия Римского с Дионисием Александрийским, с другой, — из отношения Кирилла Александрийского к папе Целестину по делу Нестория.

По-видимому, совсем иначе понимал свое положение архиепископ Константинопольский.

3-й канон II Вселенского собора вполне определенно указал Константинопольскому архиепископу место после Римского Папы (τα πρῶτα τῆς τῆς μετὰ τοῦ τῆς Ῥώμης ἐπίσκοπον). Тем не менее, появились попытки перетолковать "μετὰ" (после) римского — в смысле хронологическом, а не в разрядном.

Попытки были, очевидно, многочисленны и настойчивы: уже древние толкователи канонов — Зонара, Аристин и Вальсомон — подробно докладывают о них и даже борются с ними, особенно Вальсамон.

Отсюда понятно, почему Римский папа Лев I чрезвычайно неохотно согласился, по просьбе императора Маркиана, на Собор в Халкидоне: он понимал настроение тогдашнего архиепископа Константинопольского Анатолия. Предчувствия его не обманули. Появился 28 канон. Однако, и по этому канону, архиепископ Константинопольский – "второй по нем", т.е. по папе Римском. То же говорят и 36 правило Трулльского Собора и 132 новелла Юстиниана I.

Но Константинопольский архиепископ, опираясь на Византийского императора, не хотел признавать канонического первенства Римского папы.

Низложенный с кафедры архиепископом Феофилом, архиепископ Иоанн Златоуст (347-407; патриарх в 398-404, с перерывами), еще обращается с жалобой к Римскому папе Иннокентию I (402-417); но уже Несторий (428-431) четверть века спустя ведет себя совершенно независимо; он даже вмешивается, в качестве судьи, в дело римской кафедры о пелагианах.

Первый серьезный конфликт у архиепископа Константинопольского с папой произошел в последней четверти V века, по поводу издания императором Зеноном *εὐωτικῶν* в 482 г., автором которого называли Константинопольского епископа Акакия (472-488). Тогда возник **первый раскол** между Римской и Константинопольской Церковами, продолжавшийся 35 лет (482-519 г.).

Натянутые отношения между Римом и Константинополем были при Юстиниане и папе Вигилии (537-555) (вспомним историю V Вселенского собора), и в конце VI века по поводу наименования Константинопольского патриарха Иоанна III Схоластика (565-577) "Вселенским патриархом", и во время монофелитских споров и иконоборческих смут.

Папы, пользуясь своим географически-политическим положением, держались независимо от Византийских императоров. Они не подчинялись императорским эдиктам по делам веры и Церкви (как это делали восточные епископы), и даже открыто протестовали против них. Это стоило смерти папе Мартину I (649-655), а менее чем чрез 100 лет спустя папы поплатились за это целым Иллириком.

Последнее обстоятельство побудило их к героическому шагу: папы окончательно разорвали с Византийскими императорами и признали Франкских королей наследниками Римских кесарей. Это произошло в день Рождества Христова 800 г., когда Карл Великий был коронован Папой Львом III как Римский император.

Церковная трагедия разделения начинает разыгрываться с середины IX века.

К этому времени культурно-политическое и церковно-административное положение греко-римского мира было таково.

I. Уже в V веке складывается **культурно-национальное обособление** Востока и Запада. Восток растет политически – особенно ввиду перенесения в IV веке столицы в Восточные диоцезы. Администрация Империи переходит на греческий язык. По-гречески говорят и пишут богословы. Создается феномен византийской культуры.

Рим предпочитает оставаться латинским.

"Разделение языков" повело к взаимному непониманию в мыслях, идеях и духовному своеобразию в дальнейшем развитии. По словам Григория Богослова, восточные стали считать западных «иноземцами».

Византия не опиралась, как Рим, на определенную нацию; однако на Востоке были выдающиеся семьи и целые народы, в интересах которых было закрепить дело Константина Великого и не позволить возвратиться столицу в Рим.

Византинизм воспринял в себя и претворил все известные ему культуры; он сохранил все виды искусства, науки, права. Отличительная черта византийской культуры — глубокая религиозность, даже с отпечатком аскетизма. Напуганные бурным развитием богословско-философской мысли в IV-V веке, повлекшей за собой смуту не только в церковной, но и в государственной жизни, византийцы создали богословие, характеризуемое традиционализмом и консерватизмом.

Внешним выражением такого стремления явилось отвержение оригенизма и установление V Вселенским Собором определенного круга "избранных отцов". Вместо Оригена выступают теперь Areopagitica, давшие византийскому обществу то, чего ему недоставало — философию, которая заменила "нецерковный гносис Оригена" и удовлетворяла мистическим вопросам византийцев.

Боязнь самостоятельной и свободной мысли, страх перед новшествами и забота о неприкосновенности прежнего богословского наследия были ярко выражены в постановлениях Трулльского Собора (пр. 1-2; ср. 19), но они давали себя знать и ранее: ведь уже после Халкидонского Собора сама идея Вселенского Собора сделалась практически неприемлемой, нежелательной.

II. Играть свою роль **политические причины**. Римские папы никогда не были в дружбе с Византийскими императорами: взгляды пап на отношение Церкви к государству был всегда далек не только от подчинения василевсам, но и от "союза" с ними. Исторические обстоятельства показали, что папам не было смысла держаться того государства, императоры которого угрожали чистоте веры и принуждали Церковь повиноваться своей воле; кроме того, эти императоры не были в состоянии защитить Рим от вторгавшихся варваров. В то столетие, когда на Востоке развернулись иконоборческие споры, а на Запад вторглись лангобарды, папство разорвало связь с Византийским

государством и избрало себе в помощь германского короля Запада, объединив свои интересы с франкской династией.

В факте коронования папой Карла Великого восточные увидели посягательство на их права, как единственно правомочных ромейских владетелей — Римских цезарей. Поэтому и последующие Византийские императоры не могли, ни забыть, ни простить папам этого факта.

Император Никифор (802-811) запретил Византийской Церкви сношаться с Римской. Причина была ясна — как сказано в письме патриарха Никифора (806-815 г.) к папе: *"Вы (римляне) сами отделились от Церкви"* (Mansi B. XIV, p. 53).

На Константинопольском Соборе 869-870 г. на домогательство папских легатов, чтобы Болгария осталась под юрисдикцией папы, последовал определенный отказ, ясно обоснованный: *"это совсем непристойно, чтобы вы, которые отказались от греческой империи и связали себя союзом с франками, сохраняли бы свои права на управление в нашем царстве"*².

Недовольство Византийских императоров Римскими папами соответствовало настроению Константинопольского архиепископа. Царьградский патриарх, как духовный сановник, собственно был "без роду, без племени". Он обязан своим возвышением только столичному городу, а не апостольской кафедре. Правда, будто бы еще с VI века принято было ссылаться на апостола Андрея, как основателя Византийской Церкви. Однако никто не знает, на чем основано это предание.

Тем не менее, Константинопольский патриарх считал себя в праве подчинить своей власти древние, несомненно апостольского происхождения патриаршие кафедры — Александрийскую, Антиохийскую и Иерусалимскую. Это подчинение фактически началось с VII века, а в

² Vignoli. Liber Pontificalis. B. III, 250.

конце IX века оно нашло себе выражение в законодательном памятнике – **Эпаногоге**, втором и исправленном издании Прохирона.

Там написано: *"Престол Константинопольский, украшающий столицу, признан первым в Соборных постановлениях, последуя которым Божественные законы повелевают, чтобы возникающие при других кафедрах несогласия доводились до сведения и поступали на суд этого престола. Каждому патриарху принадлежит забота и попечение о всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквах, а равно суд, рассмотрение и решение дел; но предстоятелю Константинополя предоставлено в пределах других кафедр, где не последовало еще освящение храма, дать ставропигию; и не это лишь, но и рассматривать и исправлять возникающие при других кафедрах несогласия"*.

В Эпаногоге же излагается Византийское **учение о царской и патриаршей власти**. Это учение принадлежит патриарху Фотию, который принимал деятельное участие в составлении и самой Эпаногоги³.

Положение Византийского патриарха и его отношение к государственной власти трактуется в первых 10-ти титулах Эпаногоги. В 7 главе 3 титула Эпаногоги положение Константинопольского первосвященника, без всяких оговорок, приравнивается к положению царя: *"Так как государство, наподобие человека, состоит из частей и членов, то наиважнейшими и необходимейшими членами являются царь и патриарх..." "Патриарх был живой и воодушевленный образ Христа, всеми своими поступками и словами выражающий истину"*.

Возвышая патриарха, Эпаногога не удовлетворялась расширением его прав в области церковного управления, она наложила ограничения на светскую власть в пользу духовной, воспретив, например, узаконение мирского обычая, противного церковным канонам.

³ Иеромонах Каллист. Номоканон Фотия. М., 1897, с. 105

Таким образом, Эпаногога выдвинула рядом с царем другую власть, по значению не только равную, но в некоторых отношениях даже высшую.

*"В этом возвышении Константинопольского первосвященника, – говорит проф. Грибовский, – ясно сказались западно-папистические стремления той части Византийского общества, которая продолжала жить преданиями романизма"*⁴. Действительно, выражения: *"патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, **всеми своими поступками и словами выражающий истину**"*, – способны дать основание не только папскому догмату о непогрешимости, но даже превзойти его, ибо говорят обо всех поступках и словах патриарха, а поздний Римский догмат о папской непогрешимости – лишь о тех словах, которые папа говорит ex cathedra.

Это обстоятельство — т.е. власть Константинопольского патриарха над восточными древними патриархатами — значительно позже, в XI веке, подчеркивает папа Лев IX (1049—1054) в письме к Антиохийскому патриарху Петру, убеждая его, что Антиохийская кафедра занимает третье место после Римской и Александрийской и должна "всемерно защищать" его: на то же он указывает в своем письме и Константинопольскому патриарху Михаилу Керулларию (1043-1058). Михаилу папа пишет: *"Ты усиливаешься лишить патриархов Александрийского и Антиохийского древнейших преимуществ и, вопреки всякому приличию и закону, подчинить их своей власти"*.

Константинопольский патриарх считал строго каноническим и вполне отвечающим идее соборного управления Церковью — подчинение ему восточных патриарших кафедр. В то же время свое подчинение Римскому предстоятелю (согласно всем соборным постановлениям, отводившим ему лишь второе место, после папы

⁴ Грибовский. Власть и народ, с. 347

Римского), считал прямо противозаконным и ни с чем несообразным. В этом смысле провозглашалась самостоятельность Константинополя.

Однако есть некоторые основания думать, что Константинопольский патриарх и византийский император сознавали каноническое соотношение Константинопольской Церкви с Римской.

Поэтому имеет право на существование мнение ряда исследователей (Барсов, Суворов, Грибовский и др.), что обострение столкновений Константинопольского патриарха с папой было связано с тем, что Константинопольский патриарх хотел быть "Византийским папой", хотя бы и «вторым по нем».

Таким образом, основы для великого раскола в Церкви были заложены давно; время не устранило их, но, напротив, лишь обострило.

Один историк так определяет взаимоотношения между Восточной и Западной Церковью к данному времени: "Со времени Халкидонского Собора, окончательно уравнившего (?) канонически Константинополь с Римом, Церковь Греческая все более становится, в своих стремлениях, узко-национальной, все яснее отождествляет идею Вселенской Православной Церкви с идеей ромейской византийской нации, 'обзывая еретическим все не-ромейское. Рим, подчинивший себе молодые национальные Церкви Запада, и Константинополь. Национально-церковно-иерархическими стремлениями к господству оттолкнувший от себя оберегавшие свою изначальную независимость национальные Церкви Востока, — стоят друг против друга, ревниво наблюдая один за другим, то вспыхивая враждой, то протягивая друг другу объятия во имя вселенского единения. Нить связывающая греческий Восток и латинский Запад, то до крайности натягивалась, то немного ослаблялась; разрыв её был вопросом только времени" (профессор М. Е. Ковальницкий, в иночестве архиепископ Одесский Димитрий).

События, приведшие к Великому расколу, развивались в **2 этапа**, занявшие почти 2 века: с половины IX в. до половины XI в.

Первый этап имел место в IX веке, главными действующими лицами были папа Николай I Великий (858-867) и патриарх Фотий (858-867 и 877-886); **второй** — в XI веке с главными его участниками были папа Лев IX и патриарх Михаил Керулларий.

Первый конфликт.

Константинопольскую кафедру с 842 г. занимал благочестивый исповедник **Мефодий** (842-846 гг.). Он происходил из монашеской среды. Монашество вынесло на своих плечах иконоборческие гонения, многие из монахов в это время стали мучениками и исповедниками. Поэтому монашество пользовалось в Византийском государстве уже с

конца VIII века, а в особенности – в IX веке, со времени торжества православия (843 г.), большим авторитетом. Монахи стали не только самыми желательными, но почти и единственными кандидатами для епископских кафедр.

По смерти Мефодия патриархом становится **Игнатий** (847-858; 867-877), сын императора Михаила II, с ранней молодости постриженный в монашество. Он славился своим аскетическим духом и твердостью воли. Однако его поставлением была недовольна одна церковная партия, во главе которой стоял Григорий Асбеста, архиепископ Сиракузский.

Вскоре против нового патриарха выступила и придворная партия, возглавлявшаяся братом императрицы Феодоры, кесарем Вардой. Эта партия поставила себе целью устранение регенства Феодоры, матери юного императора Михаила III (842-867 г.). Варда старался подчинить себе молодого императора, потворствуя его страстям. По общему суждению, Варда находился в связи с женой своего умершего сына Петра. Игнатий всенародно обличил его в этом грехе и лишил причастия в день Богоявления.

Вражда против Игнатия сразу усилилась — Варда объединился против Игнатия с Григорием Асбестой.

В конце 855 г. Михаил III, при содействии своей партии, лишил власти свою мать, став сам полновластным императором; от патриарха Игнатия царь вскоре потребовал — насильно постричь в монашество его мать и сестер, заставив их, таким образом, навсегда отказаться от трона.

Патриарх Игнатий не согласился. Ему этого не простили: он был, против воли, низложен и отправлен в ссылку на остров Теревинф.

Придворная партия, очевидно, была свободна от почтения к монахам и на место патриарха поставила светское лицо – государственного секретаря **Фотия** (858-867; 877-886). Фотий был человек талантливый,

ученый, дипломатичный, занимал высокий государственный пост; кроме того, он был человеком властным.

Игнатий имел сильную партию почитателей среди духовенства, монахов-студитов и мирян. Они не могли принять Фотия, который шел занять место живого достойного лица, сведенного с кафедры без всякой вины и насильственно.

Давая себе отчет в обстоятельствах, при которых он вступает на кафедру, Фотий высказал обещание почитать Игнатия, как своего отца. Многие поверили и успокоились. Но события показали, что Фотий или не мог, или не хотел выполнить этого обещания.

От патриарха Игнатия требовали добровольного отречения; он не соглашался. Его приверженцы собрались в храм св. Ирины и, обсудив дело об "узурпаторе", предали Фотия анафеме. Фотий, со своей стороны, противопоставил этому собранию собор в храме св. апостолов, где была произнесена анафема на Игнатия.

Приверженцы Игнатия подверглись притеснениям и гонениям со стороны Варды, так что даже Фотий просил его, хоть и безуспешно — пощадить их. Результатом стало быстрое уменьшение приверженцев Игнатия; их осталось из епископов лишь 5 человек. Из них замечательнейшие — Митрофан Смирнский и Стилион Неокесарийский.

При дворе жизнь приняла праздный и порочный характер. Молодой император, забыв о делах правления, предавался кутежу и кощунствам, причем осмеивались даже церковные таинства.

Своевременно сообщив восточным патриархам о своем вступлении на патриаршую кафедру, Фотий почему-то медлил уведомить об этом Рим. Рим узнал об иерархических переменах из писем Фотия и императора только чрез три года (857-860 г.). При этом обращение Фотия в Рим последовало не ранее, как патриарх Игнатий апеллировал к папе.

Послание Фотия не имело **характера обычной энтроностики**. В своем письме папе Фотий представлял свой символ веры, указывал на то, что он поставлен на кафедру против воли, когда его "предшественник" сложил свое достоинство, и жаловался на трудность своего положения. Явно Фотий желает, чтобы папа уладил возникший конфликт.

Папа Николай I (858-867) и ранее мог слышать о константинопольских событиях; ближе познакомившись с делом, он созвал Собор (в сентябре 860 г.), на котором было постановлено отправить в Константинополь двух легатов — епископов Родольфа и Захарию, которые должны были на месте изучить дело Игнатия и доставить папе на разрешение; с Фотием указано было обращаться, как со светским человеком, и посвящение его не признавать.

Конечно, папа по канонам был первым епископом христиан. Однако постановления Римского собора явно превышали полномочия Запада и были чересчур императивными. На их тон могли повлиять лжеисидоровы декреталии, появившиеся в половине IX века и впервые использованные именно папой Николаем I.

(Лжеисидоровы декреталии – сборник церковных документов (декреты и послания пап, постановления соборов и др.), главным образом подложных, появившийся в середине IX в. в Каролингской империи для обоснования теократических притязаний римских пап. Составитель лжеисидоровых декреталий скрылся под псевдонимом Исидор Меркатор. В теологической литературе их составление приписывалось епископу Исидору Севильскому (VI-VII вв.). Документы этого сборника утверждали верховную власть папы во вселенской церкви, его независимость от светской власти, проводили идею "непогрешимости" папы. Декреталии были положены в основу римского канонического права и широко использовались в борьбе за верховенство

пап над западноевропейскими светскими государями. Подложность лжеисидоровых декреталий доказывалась уже протестантскими учёными XVI в. ("Магдебургские центурии") и была окончательно установлена в XVII в.)

Папские послы были торжественно встречены, водворены в столице и окружены исключительно приверженцами Фотия. Если верить латинским сообщениям, они были, в конце концов, подкуплены. Вот почему на Константинопольском Соборе 861 г. они приняли сторону Фотия и, превышая свои права, признали правильным его поставление, и, соответственно, лишение Игнатия кафедры.

Фотий был очень заинтересован в том, чтобы папа согласился с постановлениями этого Собора и одобрил деяния своих легатов; тем более что среди канонов, составленных Собором (17), были и такие, которые соответствовали папским желаниям, например, канон, чтобы прямо в патриархи не ставить светских лиц (последнее 17-е правило).

Насильственно низложенный на Соборе патриарх Игнатий послал апелляцию папе чрез архимандрита Феогноста. Император и Фотий также писали в Рим.

Получив информацию о Константинопольском Соборе из писем императора и Фотия, папа Николай I в начале 862 г. созвал свой собор и, в присутствии византийского императорского посла, объявил, что он не давал своими легатам полномочий решать дело и что он не соглашается на низложение Игнатия и возведение Фотия. Это было изложено в особом послании от 18 марта 862 г. "Ad omnes fideles", прежде всего направленном к восточным патриархам.

Архимандрит Феогност смог доставить папе апелляцию патриарха Игнатия лишь позже, в конце 862 г. Ознакомившись с делом по этому источнику, папа в апреле 863 г. на Соборе Италийских епископов высказался за законность патриарха Игнатия, а Фотия осудил и

низложил. Об этом постановлении папа сообщил императору, Фотию и всем верующим.

Фотий папского низложения не признал, а император, под влиянием Фотия, написал папе резкое, обидное письмо. На это письмо папа ответил сдержанно, защищаясь от нанесенных оскорблений.

Вскоре одно событие дало Фотию случай возбудить в Византийских христианах враждебность к папе Николаю. В 865 г. духовными лицами, присланными из Константинопольской патриархии, были крещены болгары. Фотий написал им довольно обширный, очень ученый и малопонятный только что крещеным людям догматико-этический трактат, адресовав его болгарскому князю Борису.

Однако вскоре, по политическим соображениям, Борис пожелал вступить в союз с Римской кафедрой — он просит папу прислать духовных лиц и посылает ему несколько вопросов (106) относительно христианской веры и жизни. Папа ответил просто и обстоятельно, отправив свои ответы с епископом Павлом и кардиналом Формозом (позже — папой в 891-896). Формоз очень понравился Болгарскому князю, и он просил папу оставить его в Болгарии. Однако папа решил послать других епископов — Доминика и Гримоальда.

Принятие папой под свое церковно-административное ведение Болгарии привело Фотия в крайнее негодование.

В самом конце 866 г., или ранней весной 867 г., Фотий отправил окружное послание к восточным патриархам, которых он приглашал в столицу на Собор — судить папу.

Он жаловался на то, что латинские миссионеры затоптали засеянную в Болгарии ниву, обещавшую обильную жатву Евангелию, что они как дикие вепри вторглись в виноградник Господень, чтобы болгарский народ, едва два года перед тем познавший истинную веру из Византии, вести на путь смерти. А именно, латинские миссионеры склонили болгар:

1. поститься в субботу,
2. отделив первую седмицу Великого поста от остального поста, они увлекли их к употреблению в пищу молока, сыра и пресыщению подобными вещами,
3. они склонили болгар гнушаться живущих в законном браке священников,
4. миропомазанных пресвитерами они не убоялись помазать вторично,
5. не ограничившись указанными отступлениями, миссионеры достигли самой вершины нечестия: дерзнули исказить извращением смысла и привнесением слов Символ веры, утверждая неслыханное: что Дух Святой исходил не только от Отца, но и от Сына.

Пункт об исхождении Святого Духа подвергнут у Фотия подробному рассмотрению. Фотий выдвигает против Filioque доводы троякого рода, чисто логического характера, *reductio ad absurdum*, и библейско-пророческого, ссылаясь на Св. Писание и Предание.

Надо сказать, что впервые Filioque появляется на Западе в Символе в V веке, в 569 г., в Испании на Толедском Соборе. Это нововведение было вызвано полемическими собраниями в борьбе с арианами и имело в виду доказать арианам, что Сын ни в чем не меньше Отца, Сын равен Отцу, почему и Дух Святой также исходит как от Отца, так и от Сына. С этого времени символ с Filioque начали петь и за богослужением.

В течение VII и VIII вв. символ с Filioque был принят на Соборах и распространился во Франции и Англии.

В начале IX века западные монахи, бывшие в Иерусалиме и встретившие там возражение против символа с Filioque, вернувшись, обратились с жалобой к папе Льву III (795-816). Папа отослал их к Карлу Великому, славившемуся своими учеными богословами.

Сделав предварительные исследования, Карл с епископами на Соборе в Аахене (809 г.) приняли символ с Filioque и это свое постановление отправили с теми же монахами к папе.

Папа Лев III признал вполне правильным выражение с богословской точки зрения, но **внести его в Никео-Царьградский символ отказался.**

Когда Filioque было внесено в символ Римской Церкви, до сих пор остается невыясненным.

Одни утверждают, что это сделано при папе Николае I († 867 г.); возможно, это связано с попыткой объяснить происхождение энциклики Фотия 866-867 г., где возражениям против Filioque отведено видное место. Было у Фотия и особое сочинение о Святом Духе.

Другие относили это событие ко времени антипапы Христофора (сентябрь 903 – январь 904); третьи — ко времени папы Сергия IV (1009-1012), когда на Константинопольском престоле был патриарх Сергий II (999-1019), который вычеркнул из диптихов своей Церкви имя папы Сергия IV, после того как получил его вероисповедание, включавшее Filioque, – некоторые ученые считают это событие началом церковного разделения между двумя престолами.

Кроме перечисленных обрядовых и догматических заблуждений Римской Церкви, Фотий указывает и некоторые другие. Кроме того, он, по его словам, располагает еще письмами из пределов Италии с жалобой на папу Николая.

Таково было желание Константинопольского патриарха.

Таким образом, Фотий стал первым идеологом восточного православия, точно формулировавшим отступления Римской Церкви.

Созываемый Фотием Собор состоялся, по-видимому, летом 867 г., так как в сентябре того же года произошел уже дворцовый переворот и Михаил III был смещен.

На этом Соборе папа Николай I был осужден и предан анафеме. Акты об этом были посланы в Рим; кроме того, было послано обращение к немецкому королю Людовику II — с поручением привести в исполнение приговор Собора над папой.

До нас не дошло актов от этого Собора: один их экземпляр, посланный в Рим, был сожжен там же в 869 г., а другой — на Константинопольском Соборе 869 г.

В конце сентября 867 г. Михаил III был убит и воцарился Василий I Македонянин. Одним из первых его деяний было низложение патриарха Фотия: 24 сентября Василий провозгласил себя императором, а 25 сентября лишил Фотия кафедры.

Вероятно, император хотел сделать приятное народу, снова возводя на кафедру человека высоких моральных качеств, св. Игнатия.

Кроме того, Фотий был близок той партии, которая сошла с исторической арены со смертью ее возглавителей — Варды и императора Михаила.

Но есть и еще одна причина: Василий I тотчас по вступлении на престол входит в дипломатические отношения с Римским папой, льстит его самолюбию и всячески стремится быть в мире с Римом — прежде всего, чтобы завязать дружеские отношения с западными правящими домами, влияние на которые папы было весьма существенным.

А это было возможно только в том случае, если пожертвовать неприятным Риму Фотием и вернуть на константинопольскую кафедру Игнатия.

Для полного упорядочения церковных дел, император и патриарх писали в Рим, папе Николаю, но он уже умер к этому времени († 13 ноября 867 г.), и письма прочитал его преемник, Адриан II (867-872).

Папе отписали, что Фотий низложен, как того и требовал папа в своих письмах, а Игнатий восстановлен на константинопольской

кафедре. У папы спрашивали, как быть с константинопольским духовенством, которое было повинно вместе с Фотием, и просили его суда. Папу просили прислать легатов для благоустройства Константинопольской Церкви, духовенство которой в массе своей воспротивилось новым порядкам и не поддержало Игнатия.

Таким образом, папе фактически предоставили право широкого вмешательства во внутренние дела Константинопольской Церкви.

Таким образом, Константинополь фактически признал главенство папы на Востоке. И если бы письма императора и патриарха получил тот, кому они были адресованы, – энергичный и жесткий папа Николай, – неизвестно, как сложилась бы дальнейшая история.

Но папа Адриан был совершенно другим человеком. Это был дряхлый старик, не отличавшийся хваткой и энергией. Он вежливо отвечает императору – но так, как будто бы речь шла о делах вполне незначительных.

Он отправляет, хотя и не сразу, легатов – епископов Доната, Стефана и диакона Марина. Они были торжественно встречены в Константинополе.

5 октября 869 г. в Константинополе открылся Собор по делу восстановления Игнатия (на Западе этот Собор признается VIII Вселенским; он и сам себя так именовал). Желавшие участвовать в Соборе должны были подписывать *libellus satisfactionis* – документ, привезенный легатами от папы. Он заключал в себе изложение веры и проклятие всех еретиков, последними из которых были иконоборцы и фотиане.

Состав Собора, мягко сказать, был скромным: 3 папских легата, патриарх Игнатий, местоблюстители патриархов Антиохийского и Иерусалимского, 12 придворных сановников и 12 византийских

епископов, дружественных Игнатию, – всего 30 человек (к середине Собора его численность несколько увеличилась, но не радикально).

Дух Константинопольского Собора 869-870 гг. был вполне определен ранее состоявшимся Римским собором 869 г., на котором папа Адриан назвал Фотия человеком «мирским, неофитом, хощником и прелюбодеем» (т.е. человеком, занявшим епископскую кафедру при жизни епископа, которому она принадлежала), а всех тех, кого Фотий посвятил в духовный сан, изверг из сана, указав, что Фотиево посвящение (или – «осквернение»!) во всем подобно посвящению Максима-киника.

Фотий на Константинопольском соборе подвергается всяческому поруганию (он, кстати, лично присутствовал на 5-м заседании Собора, но – молча, видя бесплодность прений). Соборы, собранные им против папы Николая и для осуждения Игнатия, ставятся в один ряд с «разбойничьим» собором 449 г. в Эфесе. Была произнесена анафема на всех, кто принимал участие в фотиевых соборах или подписывал их акты. Сами эти акты были торжественно сожжены. Фотий императорским указом был сослан в Стенос – гавань на европейском берегу Босфора. Были также сосланы и те, кого он рукоположил, – но ни один из них не отрекся от Фотия и не примкнул к Игнатию.

10-е, последнее заседание Собора состоялось 28 февраля 870 г. под председательством императора Василия I и его старшего сына Константина. На этом заседании было принято 27 канонов (по греческому счету – 14). Из них 17-й канон (греческий 12-й) считает излишним присутствие на Соборе светских представителей, за исключением Вселенских Соборов.

Наконец, вне заседаний, в марте 870 г., был временно разрешен болгарский вопрос на небольшой конференции, состоявшей из

императора, патриарха, папских легатов, представителей патриарших кафедр и болгарских легатов.

Новая перемена в настроениях болгар — отказ от Рима и возвращение к Византии — опять диктовалась политическими соображениями. На как будто бы недоуменный вопрос болгарской делегации: к какой Церкви они должны принадлежать — к Византийской или Римской — им было сказано (несмотря на протесты Римских легатов): к Византийской. В 870 г. Игнатий посвятил болгарам архиепископа; латиняне же должны были оставить Болгарию.

Но уже в 871 г. папа Адриан вновь потребовал Болгарскую епархию под юрисдикцию Рима. Эту политическую линию продолжил его преемник — папа Иоанн VIII (872-882 г.). Патриарху Игнатию же он указывал, чтобы тот довольствовался только своим Константинопольским диоцезом и грозил ему отлучением.

Низложенный Фотий энергично работал над своим восстановлением. Он расположил императора к себе своей ученостью. Император обращался к нему за разрешением различных вопросов, а потом взял его во дворец в качестве воспитателя своих детей.

Когда патриарх Игнатий умер 23 ноября 877 г., Фотий уже через три дня вновь оказался на патриаршем престоле.

Но нужно было умиротворить папу.

Не упоминая о смерти патриарха Игнатия, император по указанию Фотия пишет письмо папе Иоанну, прося его прислать легатов для устранения последних расколов и успокоения Церкви.

Из Рима были посланы епископы Павел и Евгений. Они были крайне удивлены, когда узнали, по прибытии в Константинополь, о смерти Игнатия и возвышении Фотия. Во всяком случае, они не имели инструкций от папы войти в общение с Фотием.

Началась новая переписка Византии с Римом. А дела Рима в то время были весьма плачевными: Италия находилась под угрозой мусульманского завоевания; некоторые итальянские династии стали реальными противниками власти папы; Иоанн искал помощи во Франции, но безуспешно, и вообще на Западе помощников ему не нашлось. И папа решается купить союз с Византией, даже пойдя на жертвы.

Императору и Фотию удается убедить папу, находившегося в стесненных обстоятельствах, признать Фотия. В письме императору в августе 879 г. папа дает согласие на патриаршество Фотия, между делом намекая на то, что хорошо бы вернуть Риму Болгарскую епархию.

Затем папа посылает в Константинополь кардинала Петра, который соединился там с двумя другими легатами. Все они совсем не знали по-гречески. Это обстоятельство, по латинским заявлениям, сделало возможным извращение действительного положения вещей и, вследствие этого, невыполнение легатами инструкций и полномочий, данных папой.

Восстановление Фотия на патриаршем престоле должно было произойти торжественно. Решено было для этого созвать Собор в Константинополе.

Собор открылся в ноябре 879 г. (он именуется «собором в храме св. Софии» и иногда признается на Востоке за VIII Вселенский собор). Всего на нем присутствовало 383 иерарха, включая папских легатов и представителей восточных патриархов.

Соборные акты определенно говорят, что Фотий, «Вселенский патриарх», председательствовал на всех заседаниях; папские легаты сидели рядом с ним.

Соборные заседания завершились в марте 880 г. апофеозом Фотия.

Папа Иоанн VIII не сразу разобрался в актах и донесениях Собора. Когда же все понял, то осудил своих легатов и в 881 г. торжественно предал Фотия анафеме.

Искусственная связь Востока и Запада порвалась – поскольку она была основана только на политических соображениях.

После Собора 879-880 гг. Фотий достиг зенита славы и влияния; он был так велик и важен, как еще ни один епископ нового Рима до него.

Патриарх Фотий не только развивал теории о высоте власти патриарха Константинопольского, а, по-видимому, проводил свой взгляд в жизнь. Об этом могут свидетельствовать такие факты.

В конце августа 886 г., император Василий I, на смертном одре, подозвал к себе сына Льва и учителя своих детей Стилиона и сказал им: "*бойтесь Фотия, Сандаврена и их клеветников: они увлекли меня в бездну своими обманами*"⁵. Слова эти неясны, но, во всяком случае, они говорят не о добродетелях Фотия, а о каких-то его кознях. События ближайшего будущего, может быть, дают ключ к пониманию их в определенном направлении.

Лев VI Мудрый, сменивший на престоле Василия I, был воспитанником Фотия. Тем не менее, вскоре по восшествии на престол, он лишил Фотия кафедры, как чем-то опасного человека. Он возводит на патриаршую кафедру своего 16-тилетнего младшего брата Стефана (886-893), еще отцом предназначенного для этой цели, желая хоть на первое время прибрать патриарший престол к своим рукам.

Одни историки (*Поснов*) полагают, что этот шаг Льва VI был связан с боязнью соперничества со стороны пользовавшегося огромным авторитетом Фотия.

Другие же (*Лебедев*) указывают на тот факт, что Лев еще при жизни отца желал незаконным путем взойти на престол, а Фотий его в этом сдерживал, за что и поплатился.

Это падение Фотия было окончательным; он умер в 891 г.

Итак, начавшиеся во второй половине IX века частые и оживленные взаимоотношения между Римской и Византийской Церквями имели, к сожалению, полемический характер. Раздор вращался более между личностями, чем между Церквями.

Но уже тогда Фотий пытался найти догматические основания для возможного разделения Константинополя с Римом.

Борьба Фотия с папскими притязаниями значительно охладила Запад по отношению к Востоку, но это еще не было временем окончательного разрыва. До этого времени раздоры были в основном между личностями. При Фотии то папы поражали его проклятиями, то он – пап, но Церковь на Церковь ни разу не произнесла осуждения. Но вскоре наступает время, когда раздор с личностей перешел на сами Церкви.

Временная передышка.

⁵ Ibid., 372

Взаимоотношения между Римом и Константинополем продолжались и в X в., хотя нельзя сказать, чтобы они имели вполне нормальный характер. К папе обращались лишь в делах сомнительных — в спорных случаях, или тогда, когда надеялись получить от него какие-либо права.

Так, в начале X века в Рим обратился император Лев VI, когда патриарх Николай I Мистик (901-907 гг. и 912-925 гг.) отказался благословить его 4-й брак. Легаты папы Сергия III (904-911 г.) дали благословение, но это привело к конфликту между Римом и низверженным патриархом, протестовавшим потом перед следующим папой Анастасием III по поводу поведения легатов Сергия. В 920 г. папа Иоанн X (914-928) примирился с патриархом Николаем, вторично получившим кафедру, хотя вопрос о 4-м браке был между ними не вполне выяснен, а Константинопольский собор 920 г. решительно отверг четвертый брак.

Новый случай сношения с Римом имел место в 30-х годах X века, когда в Италии управлял сенатор Альбрехт. Тогда папа искал против него союза с Византией. Император Роман (920-944 гг.) вступил с ним в союз, но воспользовался этим союзом для своих целей.

Во-первых, легаты папы должны были совершить сомнительный канонический поступок: возвести его 16-летнего сына Феофилакта на патриарший престол в 939 г.

Во-вторых, согласно сбивчивому рассказу западного посла епископа Люитпранда Кремонского, император добивался за известное финансовое вознаграждение, чтобы папа отказался на все будущие времена от **права пап давать патриарху Константинопольскому pallium**⁶. Очевидно, мы здесь имеем дело с заблуждением, ибо **папа никогда не пользовался правом давать палий греческими патриархам**, или хотя бы утверждать их.

⁶ Legatio, C. LXII; Norden. Das Papsttum. S. 11

Но суть в том, что **император Роман признавал примат за Римским папой** и при удобном случае хотел купить для своего сына, 16-летнего патриарха Феофилакта, полную независимость от папы⁷ в управлении Восточными церквами.

Косвенно был затронут папа эдиктом Никифора Фоки (963-969 гг.): Никифор потребовал через патриарха Полиевкта (956-970 гг.), чтобы в итальянских греческих провинциях Апулии и Калабрии следовали исключительно греческому обряду и решительно отказались от всякого латинского влияния.

Был еще один факт церковной жизни, случившийся в царствование императора Василия II. (Это событие, кстати, имело место уже после упомянутого конфликта патриарха Сергия II и папы Сергия IV по поводу Filioque.) Рудольф Глабр, Ключинский монах, рассказывает: «Около 1024 г., Константинопольский предстоятель Евстафий (1019-1025 г.) со своим царем Василием и некоторые другие греки составили совет о том, как бы получить согласие Римского первосвященника на то, чтобы Константинопольская Церковь в своем пределе (in suo orbe), как Римская во вселенной (in universo), была и называлась Вселенской. Они тотчас отправили послов, которые понесли в Рим много различных даров, как к Римскому первосвященнику, так и к другим лицам, которые могли со своей стороны оказать содействие»⁸.

В Константинополе хотели от Рима полного невмешательства папы в восточные дела: папа и на Западе и на Востоке признается единственным владыкой Западной Церкви; но пусть он согласится признать Константинопольского патриарха в той же роли на Востоке. (По выражению Брейе, шла речь об "автономии".)

⁷ Ср. W. Norden

⁸ Migne. PL, CXLII, p. 671.

Современный этому событию событиям папа Иоанн XIX (1024-1032), не признанный немецким королем Генрихом III и находившийся в тяжелых материальных условиях, готов был удовлетворить просьбы патриарха и Византийского двора. Однако общественное мнение не позволило ему сделать этого. Папа давно уже перестал быть *privata persona*, его имя принадлежало целому западному миру. В особенности наблюдала за папами Ключийская реформаторская партия. Едва деловые сношения папы с Византией стали известны в обществе, как во Франции и Италии приверженцы реформы подняли бурю.

Кстати, и на самом Западе папам предъявлялись претензии касательно их восточной политики: так, в 991 г. орлеанский епископ Арнульф на соборе в Реймсе заявил, что римский престол потерял александрийскую и антиохийскую Церкви, а также допустил удаление от себя константинопольской.

Последнее столкновение Византии с Римом в середине XI в. Разделение Церквей

К концу IX и в X веке папство сильно ослабело: с умалением, а потом и исчезновением императорской власти оно сделалось игрушкой в руках немецкой аристократии. Кроме того, середине XI в. расширялось норманнское завоевание на Апенниннах, враждебное интересам Римского престола.

С XI века папство было ослаблено и изнутри, поскольку на папском престоле оказывались недостойные представители.

Так, Бенедикт VIII (1012-1024 гг.), граф Тусколо, настолько был неприемлем для Римской папствы, что в 1012 был избран антипапа – Григорий VI. Бенедикт, кстати, был не первый Тусколо на папском престоле – первым был еще в X в. Иоанн XI (931-935). Отметим попутно, что в правление Бенедикта на соборе в Павии (1020) было принято постановление о всеобщем celibate для духовенства Римской Церкви.

Папа Бенедикт VIII, по просьбе немецкого императора Генриха, внес в Никео-Цареградский символ, по выражению одного историка, "трагическое слово" — Filioque.

Бенедикту наследовал его брат, Иоанн XIX (1024-1032), светский человек, купивший папский престол. Этот папа получил известность своим меркантильным поведением, в том числе – и в сфере отпущения грехов. Недовольны были французские епископы, а в Риме против папы даже составилась заговор, и он вынужден был бежать под защиту императора Конрада II, который вернул его на престол.

Преемником Иоанна стал 12-летний Бенедикт IX (1032-1044 и 3 месяца в 1045 г.), еще один Тусколо, племянник Бенедикта VIII.

Бенедикта IX на три месяца сменил Сильвестр III (1045).

Бенедикт IX, однако, вернулся на престол, но, в итоге, продал свое место епископу Иоанну Грациану – папе Григорию VI (1045-1046), говорят – за 15 тыс. ливров золотом.

Рим в это время становится местом, опасным для проживания. Доходит до того, что грабители посягают уже на гробницы апостолов, на церкви.

Однако к середине XI в. папство начинает быстро выправляться.

Этому помогли в особенности Ключийское реформаторское движение (с 910 г.), а потом тесная связь с немецкими королями.

Император Генрих III (1039-1056) взял под покровительство движение реформ. В 1046 г. Он созвал собор в Сутри под Римом. Собор низложил Сильвестра III и Григория VI – за симонию. На следующем, Римском соборе низложен вновь заявивший свои права на кафедру Бенедикт IX.

Император предложил кандидатом на кафедру апостола Петра удобного ему епископа Бамбергского, ставшего Климентом II (1046-1047); этот Климент тотчас же короновал Генриха III императорской

коронай. Тем самым торжественно вновь был скреплен союз папы и императора.

В середине XI века на папском престоле сменялись немецкие папы, которые пользовались доверием императора и настойчиво проводили умеренную реформу Церкви.

В лице Льва IX (1049-1054) папство решительно стало на путь нравственной высоты и громадного церковно-общественного и политического значения. До своего избрания папою, Лев был немецким Тульским епископом Бруно Эгисхейм-Дагсбург. Он был родственником императора Генриха III (1039-1056) и не только не домогался папской кафедры, но всеми силами отказывался от нее. Лишь после долгих увещаний и по настойчивому желанию Генриха, он решился принять папскую кафедру, оставляя за собою на время и Тульскую; при чем поставил два условия: во-первых, чтобы назначение Генриха было согласно с канонами и одобрено Римским клиром и народом, во-вторых, чтобы ему в спутники был дан Гильдебранд, будущий папа Григорий VII (1073-1085), с которым он не раз встречался при дворе и оценил его блестящие способности.

Оба они были последователями клюнийских идей, т.е. были убеждены в необходимости радикального обновления папства и в высокой важности его в целом христианском мире. В одеждах кающихся во власяницах, с босыми ногами и посыпанными пеплом главами, совершали они свой путь и вступили в Рим при торжествующих кликах населения. Такой необычный парад сильно польстил гордости Рима и глубоко поразил их сердца; они немедленно провозгласили Бруно папою под именем Льва IX.

С этой поры начинается реальное возрождение папства. Борясь с симонией и браками духовенства, Лев старался увеличить уважение к папству, выступая защитником притесненных.

Уже в апреле 1049 г. папа созвал собор в Риме, который сместил ряд епископов. В октябре 1049 г. он созвал собор в Реймсе. В Реймском соборе он повелел выставить на алтаре гроб с мощами св. Ремигия, крестившего Хлодвига. Каждый из присутствовавших на соборе епископов и аббатов должен был поклясться перед этими мощами, что он невиновен в грехе симонии.

Политическим врагом Рима и Италии были в это время норманны; новый папа в борьбе с ними был предоставлен Генрихом III своим собственным силам, но не отказался от роли защитника Рима и Италии против норманнов. Поэтому он нуждался и домогался политического союза с Византией и не мог не желать мира с Константинопольским патриархом.

Однако убедившись, что Византийская Церковь относится к Римской без достаточного уважения, он порвал с нею всякие сношения, и сам умер вскоре после битвы с норманнами при Чивителло.

Как Николай I в лице Фотия, так и Лев IX — в лице Михаила Керуллария встретил себе сильного оппонента.

Михаил Керулларий (1043-1058) был преемником на патриаршей кафедре Алексия, бывшего Студийского игумена (1025-1043). Михаил был патриарх, который по своим дарованиям скорее был бы более к месту на престоле императорском, чем на патриаршем. Недаром его прочили в императоры, когда группа заговорщиков пыталась свергнуть с престола Михаила IV Пафлагонца (1034 - 1041).

Михаил Керулларий был аристократического происхождения и знатного рода; отец его занимал высокий сановный пост. Он был молод и холост; среди веселой богатой молодежи он выдавался своею серьезностью и самоуглубленностью; было ясно, что у него ум преобладает над сердцем. После неудачного заговора, летом 1040 г., Михаил Керулларий был лишен имущества и пострижен в монахи; тогда,

за недостатком внешней деятельности, он углубил и развил свою духовную жизнь.

В 1043 г. вступил на престол Константин IX Мономах. Михаил Керулларий был в числе приветствовавших это восшествие. Они не встречались близко ранее, но аристократичность происхождения обоих и общая предшествовавшая судьба гонимых тесно связала их. Михаил скоро появляется при дворе в качестве ближайшего советника царя, а потом занимает и патриаршую кафедру.

Обстоятельства, при которых у Михаила Керуллария произошло столкновение с Римом, являются такими сложными и запутанными, что их очень трудно прояснить. При этом перенести всю ответственность за печальные последствия событий на патриарха Михаила Керуллария будет неправильным. По крайней мере, он не предпринимал никаких агрессивных полемических мер по отношению к Риму в течение тех начальных лет своего патриаршества (до 1048 г.), когда на римской кафедре были серьезные нестроения.

Спор Рима и Константинополя постепенно принимает религиозную, догматическую окраску.

В 40-х годах XI века папы, в союзе с немцами и норманнами, вытесняли греков из Италии.

Еще при императоре Льве Исавре Апулия, Калабрия и Сицилия были возвращены под власть Константинопольского патриарха. К 887 г. в Апулии было 13 греческих епископов, в Калабрии – 5, в Сицилии – 13. С 750 г. в Италии существовал греческий женский монастырь. Много было там также греческих монахов, которые распространяли греческое образование между клириками Италии; их учениками были известные Иоанн-диакон и Анастасий-библиотекарь. Дело дошло до того, что была сделана попытка возвести греческого епископа города Пьяченцы Иоанна

на папский престол в качестве оппозиции Григорию V, которого поддерживал император Оттон III.

Папа Лев IX поставил своей задачей в завоеванных областях Капуе и Салерно ввести латинский обряд, в надежде, что и вся нижняя Италия подпадет под его власть. Папа назначил также архиепископа для Сицилии.

Однако надежды папы не оправдались: ему не удалось при помощи норманнов привязать к себе нижнюю Италию. Он меняет политический фронт и начинает действовать заодно с Аргиром, византийским дукой (наместником) в Италии с 1051 г. Аргир был лангобард и сначала действовал в союзе с норманнами, а потом обратился к грекам и получил от них звание дуки и полководца в Италии; однако он остался убежденным приверженцем римской догмы. Аргир несколько ранее жил 5 лет в Константинополе (1046-1051 гг.) и имел случай беседовать с патриархом Михаилом Керулларием об опресноках. Беседы эти были очень редки, даже сопровождались оскорблениями, патриарх несколько раз лишал Аргира причастия. Не удивительно, что при таком союзнике папе легко удавалось распространять латинский обряд и среди италийских греков.

Патриарх Константинопольский, разумеется, был осведомлен об этом. Он знал, например, через епископа Иоанна Транийского, что западные обычаи проникли уже в Лангобардскую и Норманнскую Италию, и теперь опасался за Византийскую нижнюю Италию. Естественным желанием Константинополя стало так или иначе прекратить латинскую пропаганду

При таких обстоятельствах в 1053 г. Михаил Керулларий как бы был вынужден к насильственной мере — закрытию в Константинополе латинских церквей и монастырей. При этом, как сообщают некоторые источники, патриарший сакелларий Константин (кое-где он именуется

«канцлер» Никифор) выбрасывал из дарохранительниц Святые Дары, приготовленные по западному обычаю из пресного хлеба, и топтал их ногами.

Михаил Керулларий, может быть, лучше других понимал, что он – никакой богослов. Поэтому в том же 1053 г. он поручает архиепископу Охридскому Льву составить послание против латинян, где в особенности порицались латинские опресноки, пост в субботы Великого поста, непение в эти дни за богослужением «Аллилуйя» и «Бог Господь», а также употребление в пищу удавленины. При этом Лев Охридский в выражениях весьма осторожен, порицаемые им обычаи он относит к «заблуждениям», которые проникли в латинскую Церковь от иудеев и варваров, папу именует «почтеннейшим», а франков вообще – «людьми Божьими».

Это послание, от имени патриарха и Охридского архиепископа, было адресовано епископу Иоанну Транийскому (в Апулии), а через него – всем епископам и "самому почтеннейшему папе"⁹. Через это послание имелось в виду сохранить зону греческого влияния в южной Италии и защитить её от латинского натиска.

Однако светские власти Византии, в целях приобретения содействия папы для борьбы с норманнами и для успешного заключения мира с императором Генрихом III, хотели не только поддержать прежние отношения с Римом, но и улучшить их – даже путем возвращения папе патримонии в Апулии и Калабрии¹⁰.

⁹ По переводу Humbert'a: "Michael universalis patriarcha novae Romae et Leo Archiepiscopus Achridae metropolis Bulgarorum dilecto fratri Joanni Tranensi Episc... ad tuam sanctitatem et per te ad universes principes sacerdotum et sacerdotes Francorum, et monachos, et populos, et ad ipsum reverendissimum Papam, et memorari de Azymis et sabbatis..."

¹⁰ Migne. PL. CXLIII, 777-780.

В центре этой политики стоял Аргир, но с ним солидарен был и сам император Константин IX. Император, разумеется, обратил внимание и патриарха на то, что диктовалось в данное время интересами политики.

В то же время было написано письмо Михаилу Керулларию и Льву Охридскому от имени папы Льва IX. Оно было некоторой уступкой патриарху, но столь неискусной, что казалось нападением.

Папа начинает с того, что Константинополь осмелился учить римскую Церковь «тысячу двадцать лет спустя после страсти Спасителя». Главная идея письма — мир и согласие должны господствовать в Церкви. Аргументы сводятся, главным образом, к указанию на авторитет апостола Петра и тщете попыток тех, кто восстает против него.

Во второй части письма папа подробно говорит и изображает всех еретиков-архиепископов, сидевших на Константинопольской кафедре (Македоний I, Евдоксий, Максим, Арсакий, Несторий, Акакий, Пирр, Павел II и др.), и еретические движения и схизмы, связанные с нею. Здесь он не пренебрег и мифом, что некогда в Константинопольские патриархи была посвящена женщина.

Говоря о преимуществах Римской Церкви, папа воспользовался подложным документом **donatio Constantini**, впрочем, до реформации всеми принимавшимся с *bona fide*.

Общая идея письма – «*высшая Церковь ни от кого не судится*» – восходит к подложным сообщениям о таком повелении, якобы содержащемся в актах I Вселенского собора, некоем распоряжении Константина Великого и в канонах, приписываемых папе Сильвестру; вся эта недостоверная информация была почерпнута из «Жития св. Сильвестра» V века.

Заключение ясно: Константинопольская Церковь, даже и весь Восток, столь много получившие от Римской Церкви, не только не

должны направлять против неё никаких атак, а должны почитать её, как свою мать.

Отправлено было это письмо или нет – до сих пор предмет дискуссии. Как бы то ни было, ответного письма патриарха папе не сохранилось.

Все же по некоторым данным можно заключить, что папе удалось до известной степени достигнуть своей цели — патриарх как бы потерял интерес к острой полемике и готов был, при известных условиях, идти на примирение с папою. Письмо об этом папе было направлено.

Об этом патриарх и пишет в Рим. Имея в виду это письмо, Лев IX заявляет в послании императору Константину IX: *"Наш собрат Михаил Керулларий прислал нам письмо, чтобы убедить нас в согласии и единении"* (греч. οὐμβασις). Та же мысль – и в ответном письме к патриарху: *"Через свою ревность ты предупреждаешь наше самое сердечное желание"*.

Главной причиной примирительного письма патриарха к папе был, надо думать, известный интерес византийской политики данного времени по отношению к Италии. Об этом косвенно свидетельствует в своем письме к патриарху Петру Антиохийскому сам Михаил Керулларий между прочим, говорит относительно папы Льва IX: *"Я, – пишет он, – обнаружил перед ним (Львом IX) добрые чувства на предмет помощи, какую мы ожидаем от него против франков"*.

Кроме того, император и Аргир могли подать патриарху надежды, что Лев IX будет сговорчивее относительно прав Константинопольского патриарха, чем прежние папы.

Михаил Керулларий главным условием примирения и единения с папою, т.е. οὐμβασις, выставляет уравнение в правах Константинопольской Церкви в отношении ее ко всему Востоку — с правами Римской — в её отношении к Западу. Это ясно следует из

оборотов ответного письма папы, где он, надо думать, пользуется буквальными выражениями из письма Керуллария.

Папу эти выражения явно возмутили: *"Ты писал нам, – читается в ответном папском послании, – что если бы Римская Церковь через наше посредство приняла твое имя, то наше имя чрез твое посредство было бы принято во вселенной — не чудовищно ли это, любезнейший брат? Церковь Римская, глава и мать Церквей, не будет иметь членов и дочерей? И как же может она тогда называться главою и матерью?"*¹¹

Очевидно, Керулларий добивался независимости от Римской Церкви и при таком условии, несмотря даже на опресноки, обещал прославить Римскую Церковь.

Будучи очень слабым богословом, патриарх Михаил поручил монаху Студийского монастыря, Никите Стифату, составить обличение против латинян.

Стифат пишет ряд сочинений, в которых оперирует уже известными догматическими и обрядовыми вопросами: опресноки, субботний пост и т.д., добавив еще целибат. (Надо сказать, что эти вопросы – не так маловажны, как их пытаются представить некоторые исследователи, например, М.Э.Поснов; по крайней мере, сама латинская Церковь относилась к ним с подобающим вниманием, посвятив полемике с греческими критиками целый ряд пространных трактатов, которые, в свою очередь, опровергались греками: несмотря на детское удивление людей нашего времени, связанное с полной утерей догматического чутья, для современников эти вопросы были действительно связаны с самой возможностью спасения души.)

Тем временем, в сентябре 1053 г. на соборе в Бари Лев IX, помимо прочего, подтвердил веру в исхождение Св. Духа от Отца и от Сына.

¹¹ Migne. Patr. lat. t. CXLIII, С. 776.

Вновь возникает тень Filioque, учение о котором активизировалось при Бенедикте VIII.

В январе 1054 г.¹² Лев IX отвечает на письмо императора и патриарха, направленное ему зимой 1053/54 г., в котором папу призывали к согласию и единомыслию.

Однако император, по всей видимости, имел в виду союз против норманнов. Патриарх же предложил восстановить поминание имени папы «во всем мире», если бы его собственное имя стало поминаться за богослужением в Риме.

Папа в ответ упрекает Константинопольского патриарха в подчинении своей кафедре восточных патриархов: *"Несправедливо также, что ты стремишься патриархов Александрийского и Антиохийского лишить их привилегий"*. (Эта же мысль заключается и в письме папы к Антиохийскому патриарху Петру, где он приглашает его вспомнить о его третьем месте после римского епископа.)

Папа ставит в вину Керулларию анафематствование всех, кто причащается св. Таин, изготовленных из опресноков.

Кроме того, папа упрекает патриарха (вполне напрасно – первым на этот титул покусился еще в VI в. патриарх Иоанн Схоластик) за титул "Вселенский патриарх", говоря, что он может быть приличен лишь папе, названному так еще на IV Вселенском Соборе.

Предложение же Михаила о поминании его имени папа находит чудовищным и унижающим Римскую Церковь. А ведь *«Римская Церковь такова, что если какая-либо нация (Церковь) на земле по гордости с ней в чем-либо не согласна, то подобная Церковь перестает называться и*

¹² Гефеле (Conziliengeschichte. В. IV. S. 773-4) предполагает, что первое письмо было написано, но не было отправлено, так как пред его отправлением явилось посольство из Константинополя с предложением мира и единения.

считаться Церковью – она ничто. Это уже будет каким-то сборищем еретиков, собранием схизматиков, синагогой сатаны».

В одновременно посланном письме императору папа добавляет: *«Если патриарх пребудет упорен, т.е. не подчинится папской воле, то мир между нами будет невозможен».*

Таким образом, как папа ни нуждался в союзе с Византией, честь Римской кафедры для него была выше всего; переуступить своих прав он не хотел. Недаром он был последователем Ключийских реформаторов.

С другой стороны, и Константинопольский патриарх не видел никакого смысла поддерживать полемику, которая не только не приносила пользы Византийской Церкви, но даже была вредна.

Таким образом, столкновение стало вопросом времени.

В ответ на Византийское посольство к папе, приглашавшее его к союзу с Византией для изгнания норманнов из Италии, в начале 1054 г. в Константинополь были отправлены папские легаты¹³. Их было трое — кардинал Гумберт, канцлер Римской Церкви диакон Фредерик и епископ Петр из Амальфи. Римские легаты имели от папы очень определенные инструкции относительно Константинопольской Церкви и патриарха. Но официально они делали вид, что были посланы только к императору.

Легаты прибыли в Константинополь лишь в июне 1054 г. Им был оказан торжественный прием, и они были поселены в загородном дворце Пиги. На первом приеме легатов императором присутствовал патриарх. Легаты отнеслись к нему с важностью и холодно; они не оставили высокомерия, даже когда сами посетили патриарха. Они как будто

¹³ Письмо переданное послами патриарху Михаилу Керулларию, было датировано "mense januarii indict" (т.е. январь 1054 г.)

хотели показать, что они – выше всей Византийской иерархии, включая и патриарха, и явились лишь для суда и решения¹⁴.

Трактаты Никиты Стифата против Римской Церкви сделались известным римским легатам еще до отправки их в Константинополь. Кардинал Гумберт, по желанию императора, написал на него опровержение «Доказательства происхождения Св. Духа от Отца и Сына», которое и привез с собой¹⁵. Он составил также обличение на послание Льва Охридского к Иоанну Транийскому. По мнению Гумберта, его противники лишали себя надежды на спасение, поскольку грешили против Св. Духа (ср.: Мф. 12, 31-32).

Вскоре по приезде послы вместе с императором посетили Студийский монастырь (24 июня 1054 г.). Здесь (как свидетельствует Гумберт) в присутствии императора устроен был диспут с Никитой Стифатом. Никита признал себя побежденным и отказался от своего трактата «Об опресноках, субботнем посте и браке иереев», который был торжественно сожжен на монастырском дворе. На следующий день, уже во дворце Пиги, Стифат повторил анафему всему «сказанному и сделанному против апостольского престола».

К сожалению, Гумберт с самого начала взял тон, решительно не соответствующий примирению. Он явно не учитывал, при этом, особенностей характера Керуллария.

Патриарх Михаил обоснованно считается выразителем папоцезаристских стремлений на Востоке. Он держал в своих руках, по выражению Михаила Псёлла, "дела Божеские и человеческие".

Для характеристики Михаила Керуллария важна составленная, хотя и не произнесенная речь Псёлла — обвинение Михаила Керуллария, низложенного императором Исааком Комнином: *"Я обвиняю архиерея в том, что ему не следовало... вмешиваться в государственные дела и заботиться о выборах царя... Он сделался тираном в отношении к двум царям (Михаилу VI Стратиотику, 1056-1057 гг., и Исааку Комнину, 1057-1059 гг.) чтобы утверждать державу и дворец за собою"*.

По свидетельству Иоанна Скилицы, историка XI века, младшего современника Михаила Псёлла, недовольный иногда императором (Исааком Комнином) Михаил Керулларий говорил: *"Я тебя, печка, сложил, я тебя и разломаю"*. Он даже решил надеть на себя пурпурные сандалии – на основании «Константинова дара», на котором, кстати, настаивала Римская Церковь в лице папы Льва IX:

¹⁴ L. Bréhier. Le Schisme Oriental du XIe siècle. Paris, 1899, p. 107.

¹⁵ Migne. PL. t. CXLIII, p. 974.

императорские одеяния перечисляются в этом подложном документе как часть высшей церковной власти, переданной папе Сильвестру.

Он говорил, что между священством и царством нет никакой разницы, или очень малая, а в более ценном священство, может быть, даже и выше стоит и большего почтения требует, чем царская власть¹⁶.

В результате патриарх прервал сношения с легатами.

У легатов и императора возникла мысль созвать Собор и осудить Михаила Керуллария. Однако они опасались, что их не поддержат восточные патриархи и Константинопольский народ. Относительно народа, как показали ближайшие события, опасения были вполне основательны.

19 апреля 1054 г. папа Лев IX скончался. В Константинополе об этом вскоре узнали, но легаты действовали с прежним дерзновением.

Поскольку Керулларий избегал встречи с легатами, они 16 июля во время богослужения, когда под сводами Великой Церкви толпился молящийся народ, разделяя толпу, прошли к самому алтарю и оттуда обратились с проповедью к народу, жалуясь на упорство их патриарха. Затем они положили на престол буллу об экскоммуникации, которая касалась патриарха и его приверженцев, и вышли из церкви, отрясая прах и восклицая по-евангельски: "Видит Бог и судит".

Все были поражены и безмолвствовали. Иподиаконы подали буллу патриарху. Патриарх сперва отказался принять её, потом, боясь, чтобы она без него не была обнародована, взял и велел перевести на греческий язык. Текст буллы затем был помещен в соборном послании Михаила Керуллария.

Булла начиналась словами: *"Город христианский и православный; Михаил же Керулларий, которого неправильно называют патриархом, напротив того..."* Легаты видят у Керуллария тенденции к ересям, — числом до 10. Среди обвинений присутствовало и обвинение **в**

¹⁶ См.: **Кедрин**, писавший в XII в., повторивший в своем "Συνοψις ἱστοριῶν" Скилицу — у проф. Суворова. Восточный Папа, с. 90

удалении слова Filioque из символа веры – легаты действительно верили в справедливость своих слов, но их мнение от их веры не становилось более обоснованным.

Во имя прав, которые им вверены папой, легаты произносят анафему на патриарха Михаила, на Льва Охридского, на патриаршего сакеллария Константина (или Никифора) и на их приверженцев, которых они причисляют к еретикам. Конец буллы таков: *«Мы – легаты, – не снося несправедливости и оскорбления, допущенного относительно первой апостольской кафедры ... произносим анафему на Михаила и его сообщников, если не вразумятся. Михаилу и сообщникам его, пребывающим в вышеуказанных заблуждениях и продерзостях, – анафема, маранафа ... со всеми еретиками, купно же с дьяволом и аггелами его. Аминь, аминь, аминь».*

Как пишет один католический епископ, *«отлучительная грамота (римских легатов) не имеет надлежащей умеренности, потому что она изобличает Керуллария и лиц, с ним единомысленных, во всех возможных древних ересях»*, к которым они, конечно, не имели никакого отношения.

Грамота Гумберта показала полное непонимание Западом Восточной Церкви: Запад видел заблуждения там, где Восток самым точным образом следовал древним церковным установлениям.

Более того: **по меньшей мере, три из содержащихся в булле десяти упреков ставили под вопрос правоверие всей греческой Церкви**, чем облегчалось объединение византийского духовенства вокруг Керуллария.

По-видимому, такой резкой мерой папские легаты хотели произвести волнения в народе против патриарха, как виновника разделения с Римом, а потом – добиться и низложения Михаила Керуллария.

Однако они ошиблись: волнения в народе поднялись, но не против Михаила Керуллария, а против легатов, и чуть было не стоили им жизни.

Легаты быстро, уже 17 июля, оставили Константинополь.

Вскоре после их отъезда патриарх заявил, что желает беседовать с ними. Вероятно, он предвидел возможность самосуда над ними со стороны Константинопольской толпы. Император 19 июля отправил легатам письмо в Селемврию, прося возвратиться. Они вернулись.

Предчувствуя недоброе, император поставил непременным условием свое личное присутствие на предполагаемой беседе, а также вызов на нее воинской охраны.

При таких условиях беседовать патриарх отказался, говоря, что он подозревает серьезные намерения на свой счет.

Тогда император приказал легатам отправиться обратно.

Таким образом, месть не получилась.

Однако после отъезда послов в Константинополе поднялся такой мятеж, что он чуть не стоил не только короны, но и жизни Константину IX, а Аргир был лишен всех почестей и отправлен с семейством в изгнание.

20 июля Михаил созывает Собор из членов всех партий греческой Церкви; на нем присутствовало 12 митрополитов и 2 архиепископа.

Соборное постановление этого Собора представляет собой, собственно, репродукцию «Окружного послания» Фотия к восточным патриархам. В соборном решении говорится о «вынырнувших из мрака ... нечестивых и отвратительных мужах», которые подвергли анафеме «всех не согласных с их бесчинствами православных», выдвигая против них множество обвинений. Из этих обвинений соборное решение упомянуло, в частности, **нежелание исказить символ веры.**

При этом, на основе «Окружного послания» Фотия, указано, что ***Св. Дух не должен отличаться большим количеством***

собственностей от Отца, чем Сын, а изведение Св. Духа принадлежит одному Отцу, если оно не относится сразу ко всем трем Лицам Св. Троицы.

(Православная триадология, рассматривая догмат о Святой Троице в плане вневременного Божественного бытия, характеризует Лица Св.Троицы ипостасными свойствами **рождения, исхождения, не-порожденности-и-не-исхождения**. Каждая ипостась обладает особыми, только ей свойственными качествами, которые не повторяются в других Ипостасях: Отец рождает и испускает, Сын рождается, Дух исходит. Повторение личных свойств Ипостасей невозможно, это было бы объединением Ипостасей, их отождествлением. Это разрушило бы всю триадологию.)

Собор, в присутствии посланных императора, произнес приговор не только *"против нечестивой хартии, но и против тех, кто трудился над её изготовлением — советом, или даже только голосом"*.

21 июля анафема была торжественно повторена всенародно, булла сожжена, за исключением одного экземпляра. Соборное решение было доведено до сведения Восточных патриархов, которые его поддержали.

Эти взаимные анафемы стали важным историческим событием: Восточная и Западная Церкви разделились.

По-видимому, так воспринял дело и патриарх Михаил, как это отчасти показывает его переписка с патриархом Антиохийским Петром (до занятия антиохийской кафедры Петр был скевофилаксом константинопольского храма св. Софии).

Петр, при своем вступлении на Антиохийскую кафедру, написал энтронистику (синодальное послание) папе Льву IX с обычным изложением веры. Папа ответил ему, хваля его веру и увещевая его

хранить права своей кафедры, как третьей после Римской (и Александрийской).

Патриарх Михаил Керулларий, узнав об этой переписке, был встревожен ею и со своей стороны написал Петру Антиохийскому¹⁷, как бы укоряя его, по следующему поводу: *"До меня дошел слух, что ты, Александрийский и Иерусалимский иерархи — возносите имя папы по церковным диптихам. Это непонятное невежество. Известно, что со времени св. и Вселенского VI Собора и на все будущее время, имя папы в наших церквах было вычеркнуто из диптихов, по той причине, что тогдашний Римский папа Вигилий не пожелал прийти на тот Собор и провозгласить анафему на сочинения Феодорита и Ивы"*.

Среди причин разногласий с Римом Михаил упоминает и Filioque.

В ответном письме Керулларию Петр Антиохийский¹⁸ исправляет ошибку последнего, т.е. что папа Вигилий был современником V, а не VI Вселенского Собора. Но с другой стороны, сам, повидимому, смешивает VI Вселенский Собор с Трулльским, ибо полагает промежуток между V и VI Вселенским Собором в 139 лет.

Кроме того, патриарх Петр не согласен с Михаилом Керулларием и относительно исчезновения имени папы из церковных диптихов как будто бы после V или VI Вселенского Собора. *"Да и сам я помню, — пишет он, — что при блаженной памяти моем предшественнике Иоанне, папа Римский, тоже Иоанн, числился в церковных диптихах; и в Константинополе, где мне случилось быть 45 лет тому назад, при Сергии, имя папы произносилось; когда оно исчезло из диптихов, мне неизвестно"*.

На обрядовые разногласия патриарх Петр не обращает внимания. Другое дело — прибавка к символу **Filioque**. Петр приписывает I

¹⁷ Migne. PG, t. CXX, С. 786-789, Cap. IX, XII И XIII.

¹⁸ Migne. PG, t. CXX, С. 796, 797, 800, 805.

Вселенскому Собору установление учения о Святом Духе. Всякие уклонения латинян от чистой веры патриарх Петр объясняет и извиняет их деревенщиной, необразованностью (*in barbaris gentibus*). Патриарх Петр трогательно умоляет патриарха Михаила оставаться в рамках духа христианской любви и братолюбия: *"Увещаю и твое боголепное блаженство принять мою мысль, чтобы, всего требуя, не потерять всего"*.

Однако при этом, советуя Михаилу написать новому папе, Петр советует **потребовать удаления Filioque**, опустив до времени прочие чисто обрядовые расхождения.

*"Нам прилично, – пишет он Михаилу Керулларию, – принимать в расчет доброе намерение (заблуждающихся) и там, где дело не касается ни Бога, ни веры, всегда склоняться к миру и братолюбию. Они – наши братья, хотя, по грубости и неведению, часто уклоняются от того, что прилично, следуя своей воле... Я выскажу свою мысль прямо: **если они (латиняне) исправятся относительно прибавления к символу**, то я не искал бы от них ничего более, оставляя безразличным в числе других и вопросы об опресноках"*.

* * *

Луи Брейе, один из специальных исследователей вопроса разделения Церквей, пишет: *"борьба между Церковью Греческой и Латинской казалась людям XI века одним из тех инцидентов, которые быстро забываются, так что считают их преходящими, а не живым событием в организме Церкви"*.

С исторической точки зрения это неверно.

Фактически и принципиально – какое значение для **всей** Христианской Церкви могло иметь событие, случившееся 16-25 июля 1054 г. между римскими легатами уже **умершего** († 19 апреля) к тому времени (к 16 июля) папы Льва IX, заместителя которому еще не было,

— и между **Константинопольским только патриархом** с его духовенством — **при отсутствии других восточных патриархов**, из которых один Антиохийский высказался против разрыва Церквей?

Однако, несмотря на известное послание патриарха Антиохийского Петра патриарху Константинопольскому Михаилу; несмотря на попытки императора Генриха III (в 1055 г.) и папы Стефана IX (1057-1058 г.) в политических интересах изгнания норманнов из нижней Италии пригласить Константинополь к единению, — примирения между Константинополем и Римом не состоялось.

Константинопольскому Собору патриарха Михаила от 20 июля 1054 г. было придано общее значение осуждения латинян, а в XIII-XV вв. этот Собор стали считать даже Вселенским (так назвал Константинопольский Собор патриарх Иосиф в послании к Михаилу VIII Палеологу, доказывая его вселенский характер сравнением с III Вселенским Собором, где также не было папы – Кирилл Александрийский не считался уполномоченным папы Целестина – и патриархов Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского).

Однако справедливость требует сказать, что никогда не было недостатка в предостерегавших и увещевавших голосах к церковному единению и миру. Можно упомянуть, например, Феофилакта Болгарского. Его послание относится к 1091-1092 г. Он прямо заявляет, что не разделяет общепринятого мнения о разделении Церквей¹⁹. Также крупный догматист XIII века Никифор Влеммид стоял на точке зрения о необходимости соединения Церквей. (Он считается предтечей Лионской унии. В то же время высказывается точка зрения, что Григорий Палама ссылался на этого Никифора как на автора антилатинских сочинений²⁰.)

¹⁹ Will. Acta et scripta, p. 252. 253 (§ 15).

²⁰ См.: статью Полемиса (2004) о Ник. Влеммиде.

В то же время существует множество работ, в которых авторы доказывают, что разделение Церквей имело свои серьезные причины и было безусловно необходимо²¹.

В течение всего XI века отношения между двумя престолами оставались неопределенными. Папа не поминался за богослужением в византийской столице, однако, причины этого не обнародовались ни при Керуллари, ни после него. В то же время ряд источников говорит о «разделяющих» Церквей западных христианах, о «давно разделенных» Церквах, о существующей по неизвестной причине схизме, о нахождении римского престола под анафемой.

Все это свидетельствует, что представление об уже существующем разделении Церквей успело распространиться среди греческого духовенства.

Причины разделения церквей

Этнографическая причина²² — различие в характере греков и римлян, исторически проявившееся бесспорно и признаваемое всеми — вряд ли может считаться заслуживающей внимания. Различие греков и римлян в их характерах и исторических судьбах — это факт; но оно не исключает не только религиозно-церковного единения, но и гражданского, государственного сожительства и солидарности. Часто десятки различных племен и народов живут в одном государстве. Вспомним, например, Австро-Венгрию и Россию до мировой войны.

Государственно-политическая причина — перенесение столицы в Константинополь, при чем явились новые роды, даже целые народы, заинтересованные в существовании новой столицы на берегах Босфора и враждовавшие с Римом, как соперником, — также не вела, а тем более, не вынуждала к разделению. Конечно, в Византии явились народности,

²¹ А.Л. Катанский. История попыток к соединению Церквей, с. 31-41.

²² См.: Скабалланович ("Христианское Чтение" 1885, I-II).

которым удавалось или посчастливилось видеть своих единоплеменников василевсами (армяне, исавры, славяне, македонцы); они, конечно, интересовались пребыванием столицы на Востоке. В этом были заинтересованы, разумеется, и знатные роды (фокиды, куркусасы, склиты). Но все же указанные явления ни в каком случае не могут вызвать разделений в Церкви, в царстве "не от мира сего", где "Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного..." (Гал. 3, 28).

Единственной причиной, которая могла дать столь резкий конфликтный всплеск, можно посчитать **причину религиозную** – различие между Восточной и Западной Церквями в некоторых религиозных верованиях, в канонических действиях, обрядах и обычаях.

Здесь первое место должно быть предоставлено предметам догматическим, а именно – различию в учении об исхождении Святого Духа: по восточному — только от Отца, а по западному — от Отца **и Сына**. На этот предмет возможны три точки зрения — 1) по содержанию учения, 2) формально-каноническая, 3) историческая.

Никто не может отрицать, что у восточных, особенно – в ранний период, во время становления триадологического богословия и терминологии, есть выражения и указания на некоторое участие и Сына в бытии, или исхождении Святого Духа.

Например, св. Афанасий говорит: "Дух Святой такое же положение и природу – *ραξίv και φυσίv* – имеет в отношении к Сыну, как Сын в отношении Отцу"²³. "Поелику Дух в Слове, то ясно, что как Дух чрез Слово был и в Боге" (*εν τω Θεω ην δια του Λογου το Πνευμα*)²⁴.

Василий Великий пишет: "как Сын относится к Отцу, так и Дух к Сыну". "Святой Дух познается по Сыне и вместе с Сыном" (*ματα του Υιου και συν αυτω*) и **от Отца имеет бытие**²⁵. "Святой Дух чрез Сына соединяется со Отцем"²⁶.

Григорий Нисский приписывает посредничество в существовании Духа (*της του Υιου μεσπειας*), что **Дух является через Сына** (*δια αυτου του Υιου πεφηνειναι*).

В особенности у св. Епифания встречаются изречения, свидетельствующие об его близости к *Filioque*. По нему, **Дух от Отца и Сына** (*пара Патρος και του Υιου*) или: "εκ του Патρος και του Υιου ... εκ της αυτης ουσιας και Υιου ... παρ' αμφοτερω"²⁷.

²³ Epist. ad Serap., № 21

²⁴ Epist. ad Serap., № 3

²⁵ Epist. 38

²⁶ de Spir. Sanct. s. XiVII, n. 47

Иоанн Дамаскин исповедует: "Веруем... и в Духа Святого, Господа и животворящего... от Отца исходящего и в Сыне почивающего... от Отца исходящего и **через Сына раздаваемого** и воспринимаемого всею тварью".

Но один из авторитетных богословов Восточной Церкви нового времени, епископ Сильвестр, **не находит оснований видеть у восточных богословов ясно выраженным латинское учение per Filium или Filioque.** Места, выражения и образы, которые можно связать с Filioque, он объясняет в смысле **временного** посольства «Святого Духа от Отца чрез Сына, как в прощальной беседе (Ин. 14-16), или по домостроительству»²⁸.

Вопрос о Святом Духе привлекал внимание спорящих сторон. И хотя с середины XI века он не был единственным, в последующее время он занял первое место, а затем, с 1870 г., уступил важность вопросу о непогрешимости папы, или догматическом примате. Уже Михаил Псёлл, писатель XI века, называет вопрос о "Filioque" — "фундаментом веры". При заключении Лионской (1274) и Флорентийской унии (1439) Filioque выставлялось как главное препятствие. В самом конце XIX века Константинопольский патриарх Анфим, отвечая на буллу папы Льва XIII к епископам Востока, опять подчеркивает серьезность разногласий по данному вопросу.

Другие отличия Римской Церкви от Восточной – литургического, канонического и обрядового характера (как совершение Евхаристии на опресноках, возведение диаконов прямо во епископы, целибат, пост в субботу и другие) — были затронуты в VII веке на Трулльском Соборе (пр. 3 и 13). В послании патриарха Фотия 861 г. папе Николаю I разъяснено, что подобные различия имеют невинный характер — абифора. Но в послании к восточным патриархам в 867 г. Фотий эти "отступления" ставит в вину латинянам. Это можно понимать как в

²⁷ Ancorat., n. 71, 73; Adver. haeres. 74, n. 10

²⁸ Еп. Сильвестр. Опыт православного догматического богословия, т. II, с. 461, 465 и др.

смысле полемическом, тактическом, так и как указание на серьезное повреждение в вере.

Поэтому мысль о том, что выступление патриарха Михаила Керуллария против отдельных обычаев Западной Церкви было вызвано его искренней заботой о чистоте Православия, в литературе не отвергается (Лебедев, Петруччи, Клеман, Тиннефельд, Аввакумов и др.).

Гарнак²⁹, не отрицая значение в деле разделения Церквей богословских споров, иерархического властолюбия и национальных особенностей, основную движущую причину данного явления указывает в различном ответе на вопрос **об идеале жизни**.

В то же время есть и иные мнения, связанные с преувеличением властности Керуллария, которая могла повлиять на его поведение в отношении к Латинской Церкви, где решительные преобразования Льва IX были нацелены на укрепление папства, пережившего почти полуторавековой период упадка.

Точки зрения на борьбу за власть как на главную причину разделения церквей держится проф. Т.В. Барсов, проф. Поснов, проф. М.С. Суворов, проф. Скабалланович, проф. Грибовский, Луи Брейе, Гергенрёттер, Гефеле, Норден, Пихлер³⁰, Гаусс, Бек, Бемер, Байер, Бармин и др.

²⁹ A. Harnack. Das Monchtum. Giessen, 1907. S. 6

³⁰ Т.В. Барсов. Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью. СПб., 1878, с. 121; М. С. Суворов. Византийский Папа. М., 1902, с. 78; Скабалланович (Христианское Чтение, 1884, № 12 — 1885, № I); Грибовский. Народ и власть в Византийском государстве. СПб., 1897, с. 365, 368; L. Bréhier. Le schisme oriental du XIe siecle. P., 1899. P. 201, 203; Hergenrother. Photius. Regensburg, 1867. B.1. S. 308-311; C.J. Hefele. Conciliengeschichte. B. IV. Wien, 1878. S. 767-777; W. Norden. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903. S. 9-31 (passim); A. Pichler. Geschichte der Kirchlichen Trennung. Munchen, 1864. B. I-II.

Пихлер в своем двухтомном труде³¹ доказывает, что главной причиной великого Церковного раскола было образование франкской империи, как наследницы Римской, а потом ненормальное отношение Церкви к государству на Востоке — сервиллизм со стороны правящего клира.

* * *

Папе, несомненно, принадлежал канонический авторитет на Востоке; многие Соборы, каноны и императорские эдикты и указы упоминают об этом. Фактически этот примат по временам расширялся до догматического примата: папа иногда призывался Востоком помочь ему в делах веры, сам писал догматические послания для Соборов и посылал вещей легатов.

Вспомним, например, из IV века, письма Василия Великого к папе и то, что сказал Афанасий Великий о значении архиепископа Осия для Никейского Собора.

Папа, действительно, иногда как бы диктовал Востоку веру и суд над еретиками. Епископ Аполлинарий – восточный — впервые осуждается в Риме, а потом уже на Востоке. Кирилл Александрийский на III Вселенском Соборе лишь исполнил поручение папы, предварительно осудившего Нестория на Римском Соборе. Многочисленные отцы IV Вселенского Собора входили в церковь св. Евфимии для заседаний только после того, как подписали папский томос, из которого были заимствованы потом существенные выражения для Халкидонского вероопределения. Почти такую же роль сыграло послание папы Агафона для VI Вселенского Собора.

Конечно, папы со времени заключения союза с франкским домом, появления лжеисидоровых декреталий и *Donatio Constantini*, стремились

³¹ А. Pichler. *Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident*. S. 151, 72, 74. 197, 220

к расширению и к усилению своей власти на Востоке. Это, разумеется, заслуживает решительно осуждения.

Поняв, что папы, со времени коронавания Карла Великого в Римские императоры, навсегда сделались одиозными, политически преступными в глазах Византийских императоров, и отделение их вместе с тем и от Восточной Церкви считалось как бы уже совершившимся фактом, Константинопольские патриархи построили на этом всю программу своего возвышения.

Первым пунктом в этой программе было освобождение от канонической зависимости от Римского папы. Это – стремление, которое очень точно выражают, прилагая Константинопольскому патриарху эпитет "Восточный папа".

Вторую и последнюю задачу составляло уравнение патриаршей власти с царской и даже возвышение над ней.

Над выполнением обеих задач — в особенности первой — с необычайной энергией первым потрудился патриарх Фотий. Он хотел достигнуть полной самостоятельности путем полемики и открытой борьбы с папой.

Для лиц, для которых имя Фотия, как патриарха, является "μεγαλοφυα", вечной заслугой Фотия останется сообщение этой борьбе за власть характера религиозного, в смысле отступления Римской Церкви от чистоты веры.

Мирным путем хотел достигнуть той же цели, полной независимости от папы, императоры Роман I Ликонен (920-944) для своего сына патриарха Феофилакта (933-956), Василий II для патриархов Евстафия и Михаила Керуллария.

Когда оказалось невозможным добиться от папы независимости ни путем дипломатическим, ни деньгами или богатыми подарками, ни

яростной полемикой, или жестокой войной, – Константинопольские патриархи предпочли совсем порвать с папой.

Большинство верующих одобрили этот разрыв потому, что он трактовался, как нечто неизбежное для сохранения восточной веры от западных заблуждений.

Освобождение от канонического авторитета папы не было единственной целью Константинопольских патриархов. Их желанием было стоять выше Византийского императора (папоцезаризм).

Если первую задачу своей программы Константинопольские патриархи решили успешно, способом разрыва отношений с несговорчивым римским примасом; то при выполнении второй задачи, Константинопольских патриархов постигла полная неудача. Их попытки, при таких волевых и талантливых лицах, как Фотий и Михаил Керулларий, стать не только рядом с Византийским императором, но даже и выше него — нужно рассматривать, как явление не типичное, а эпизодическое.

Обычный же тип жизни сложился так, что император властвовал — иногда деспотически — над патриархом, и Византийская Церковь всегда считалась цезарепапистской.